

Иоанн Кронштадтский. Часовня матушки Ксении на Смоленском кладбище была освящена, вновь стали возноситься молитвы ко Господу в Иоанновском монастыре.

Ныне положение в епархии значительно изменилось. Хотя и с огромным трудом, но возрождаются в Санкт-Петербурге храмы и монастыри. С сентября 1990 года открыто 80 новых приходов, и число их достигло 150. Всенародным торжеством стало второе обретение мощей преподобного Серафима Саровского и святителя Иоасафа Белгородского, обретение мощей преподобного Арсения Копеневского, прославление на Соборе Русской Православной Церкви святителя-новомученика Венямина (Казанского)... Не сразу, понемногу, но тем не менее Церковь собирает под свое крыло часть рассеявшейся паствы.

Оживилась просветительская деятельность. При большинстве храмов открыты воскресные школы, созданы православные гимназии, работают катехизаторские курсы, основными слушателями которых являются преподаватели высших и средних учебных заведений. Первые выпускники таких курсов уже трудятся на благодатной духовной ниве. Весьма активно действуют Санкт-Петербургские братства, главная цель которых — борьба за чистоту Православия. Расширяются контакты богословской науки с наукой светской. Все заметнее становится участие отцов Церкви в общественной жизни города.

Разумеется, «дух злобы» не успокоился в своих напаках на веру Христову. Сегодня он агрессивно предлагает свои лжеучения и своих лжехристов: экстрасенсов, кришнаи-

тов, буддистов, представителей других восточных сект. Практически повсеместно мы видим экспансию религий протестантского толка. Опасным представляется и стремление переловленных общественных сил низвести православную веру в России до уровня «одной из религий». И зачастую они находят общий язык с представителями средств массовой информации, руководителями зрелищными зрелищ, которые безо всякой оглядки представляют зарубежным миссионерам страницы газет, время в эфире. Нередко на стадионах и в бассейнах устраивается «второе крещение» или обращение в иную веру православных жителей Санкт-Петербурга. Бравадные Православные силы по-прежнему стараются исказить сущность веры наших предков, хотят посеять в душах православных прихожан семена неверия и скрытого безбожия... Пользуясь труднейшим положением страны, на Святую Русь ринулись толпы лжеучителей и лжепророков, которые пытаются использовать идеологический вакуум, образовавшийся после крушения официальной коммунистической доктрины, заполняя его думными суррогатами, религиозными отбросами западных псевдохристианских сект.

И мы, восстанавливая порушенные и разоруженные храмы, воссоздавая алтари доброты и добролюбия в душах наших, обязаны преградить путь мутным потокам заблуждения, не пожалеть сил своих ради сохранения Святой Православной Веры.

«Русь Святая, храни веру православную в ней же тебе утверждение!» Аминь.

Ю. К. БЕГУНОВ

ИДЕЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И РОЛЬ ГРАДА СВЯТОГО ПЕТРА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Наш Санкт-Петербург — город в устье Невы, основанный Петром Великим, — не просто город. Это особенный город, Город-Идея, возникший по мысли русского царя в системных поисках его исканий после Великого посольства, в эпоху начала Петровских реформ, знаменовавших собою переход из Четвертой в Пятую по счету, наивысшую по интенсивности для страны цивилизацию. Ведь до начала реформ (1699—1700) Россия (Русь) успешно прошла четыре цивилизации, а именно:

Первую, восточнославянскую, языческую (от на грани старой и новой эры до конца X в.);

Вторую, Киевской Руси, христианскую (от конца X в. до 1240 г.). Продолжением этой цивилизации были две подцивилизации:

Владимири-Суздальская (сер. XII — нач. XIV в.);

Галицко-Волынская (сер. XII—сер. XIV в.) и Третья, Московской Руси, великокняжескую (от конца XIII в. до конца XV в.);

Четвертую, Московского царства (от начала XV в. (Иван III) до конца XVII в. (Петр I)).

Понятие цивилизации связано с развитием городов в стране как центров политических, экономических и культурных, что в условиях затянувшегося позднего феодализма на Руси означало рост мануфактур, ремесла и торговли в интересах *коренной нации*, т. е. великороссов, иначе говоря, древнерусской народности, постепенно превращавшейся в нацию. Для самосознания быстро формирующейся нации было не безразлично, что будет Центром. Строительство относительно замкнутых московских Третьей и Четвертой цивилизаций осуществлялось великими князьями

московскими, а потом царями двух династий (Рюриковичей и Романовых) по Азиатскому, а не по Европейскому Выбору. Этот Выбор был осуществлен еще Александром Невским. Центром этих двух цивилизаций была первопрестольная Москва — «Третий Рим», а «Четвертому не бывать». Петр же вернул Руси первоначальный Европейский Выбор и по последнему Выбору переменял и столицу. Ею должен был стать новопостроенный город в дельте Невы, впадающей в Финский залив. Оттуда по Балтийскому морю путь кораблей лежал в Европу. Это был принципиальный и окончательный Выбор, находившийся у истоков потаенной пока что Идеи Санкт-Петербурга, столицы будущей Российской Империи. В отличие от «Третьего Рима» это будет, по мысли Петра I, «Новый Амстердам», или торгово-промышленный и политический центр России, «окно в Европу», и одновременно — морской порт, открытый всем флагам, всем языкам, но... *только во благо России.*

В результате своего первого путешествия по Европе с Великим посольством (1697—1698 гг.) царь Петр убедился в тщетности создания антитурецкого союза европейских государств и понял, что надо изменить направление внешней политики: «прорубить» выход к морю на Балтике. Так у него родился в голове план создания Северного союза (Россия, Дания, Саксония и Польша) для возвращения земель «отчич и дедич», захваченных Швецией по берегам Финского залива и в бассейне реки Невы в XVII в. Потому в 1700 г. Россия вступила в Северную войну со Швецией, продолжавшуюся двадцать один год. Борьбу за выход к морю царь Петр продолжал по примеру своих пращуров: республиканцев-новгородцев и московских царей Ивана IV, Федора Ивановича, Михаила Федоровича. «Ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком удаленном от морей положении, в каком находилось первоначальное государство Петра Великого», — указывал Карл Маркс и далее, говоря о Северной войне, отмечал: «Как бы ни оценивали ее цели, ее результаты и затяжной характер, мы все же будем называть ее войной Петра Великого. Все его жизненное дело зиждется на завоевании Балтийского побережья... Самый факт преобразования Московии в Россию был возможен, благодаря ее превращению из полуазиатского континентального государства в наиболее могущественную морскую державу на Балтике» [1]. Силою оружия Россия вернула себе Ижорскую землю и Водскую пятину — исконные волости Новгородской воеводской республики. Эти земли отстаивали от врагов еще святой благоверный князь Александр Невский, разбивший шведских рыца-

рей у впадения реки Ижоры в Неву 15 июля 1240 года и немецких рыцарей на льду Чудского озера 5 апреля 1242 года.

Петр I считал себя продолжателем внешней политики святого и благоверного князя Александра Невского. «По нем же, — говорится в старом Житии Невского героя, — Подражатель Вторы Невски и Мореваряжски Александръ — Петръ Великий, всероссийский императоръ, в достойнопамятную жизнь свою победительною рукою отечественные грады от светевъ возвратил, к тому жь многия грады подь свою державу покориль» [2].

У впадения реки Большой Охты в Неву на возвышении некогда стояла шведская крепость Ниеншанц, основанная в 1352 г. братом шведского короля Магнуса Эриксона. 25 апреля 1703 г. шестнадцатитысячный русский корпус под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева осадил эту крепость и 1 мая взял ее. 7 мая сам Петр и А. Д. Меншиков на лодках взяли на абордаж два шведских корабля в самом устье Невы. От этой победы ведут начало славные победные традиции русского военно-морского флота. Переменив Ниеншанц в Шлотбург, царь Петр сразу не решил, где именно на невских берегах он желает «ногою твердой встать при море». Наконец, им был избран Заячий остров (Ени-саари — по фински) у развилки Большой Невы на два больших рукава. 16 мая 1703 г. именно там русские солдаты и рабочие из Шлиссельбурга под руководством А. Д. Меншикова начали строить крепость Санкт-Петербург, ставшую векоре после Полтавской победы столицей огромной Российской Империи.

В Петров день, 29 июня, заложили церковь во имя Святых апостолов Петра и Павла, ознаменовав это событие палубой из пушек. Любопытно, что с самого рождения город получил себе трех святых покровителей: иудея, галилеянина и русского — апостолов Петра и Павла* и князя Александра Невского. В честь последнего в 1710 г. у впадения речки Черной в Неву был основан Троицкий Александро-Невский монастырь (Лавра). Построен же монастырь был

* Имя апостола Петра, по новозаветному христианскому преданию, обладателя ключей от вратрая, «ключаря», по мысли Петра, было как-то связано с ключом от Балтийского моря — тогда, когда Ниеншанц — Шлотбург потерял свое значение (1703 г.). Недаром на воротах Петропавловской крепости сохранилось аллегорическое изображение победы апостола Петра (олицетворяющим собой Россию) над волхвом Симоном (олицетворяющим собой Швецию), который в Риме похвалялся, что умеет летать, но был низвергнут с подоблачной выси на землю по молитве апостола Петра и разбился. Имя апостола Павла связано с приходом новообращенных варварских народов ко Христу посредством всенародного крещения. С павлинским направлением христианства связано строительство у нас на Руси национального христианства, противостоявшего и римско-католическому, и византийскому вариантам христианства.

в 1712—1713 гг. Обернормонах флота и придворный проповедник Гавриил Бужинский в «Житии святого благоверного и великого князя Александра Невского» так рассказал о причинах основания города на Неве: «И егда по многих иныхъ и неблагополучныхъ съ неприятелемъ онымъ сраженияхъ Божиимъ пособствованиемъ отъ древле наследственно Российскому скипетру подлежащую страну Ижерскую и в ней древние грады Орешекъ и Ивангородъ благополучно по девяностолетномъ свейскомъ владении Божественному государству возвратилъ, разсуждая о местахъ прекрасно при реке Неве положенныхъ и о близости моря Балтийскаго, и внимая, каковая помощь государствамъ суть морская пристани, также и гражданству, каковое благополучие от мореплавания происходит, воспринялъ непременно намерение: градъ к жительству своему всегдашнее пребывание, ради обучения народа своего в мореплавании, ниже малонкуснаго тогда бывшаго, устроить. Намерению же тому произошедшу в современное дело, и в новозаложенномъ томъ граде от имени святого первоверховнаго апостола Петра Санкт-Петербургомъ именованномъ, устроившымся многимъ церквемъ Божиимъ, паче же преславной обители над Невею и многому множеству всякаго чина народа тако Российскаго яко и иностранныхъ, возжелалъ на вяншее граду украшение, въ прославление же трудовъ и подвиговъ надъ Невею рекою прежде многихъ соть лоетъ за отечество Российское со свейскимъ же народомъ, воинствовавшего и преславную победу получившаго от победы надъ Невею Невскаго нареченнаго, святого благовернаго Александра, великаго князя Российскаго, а своего сродника, честныя мощи изъ Владимира, в немъ же чрезъ многое время нетленныя и чудотворныя почиваху, во град оный новопостроенный пренести»*.

30 августа 1724 г., в третью годовщину Ништадского мира со Швецией, мощи святого Александра Невского более торжественно доставлены в Северную Пальмиру. Сам Петр принял заветную дарохранительницу и поставил ее в новоосвященной церкви святого Александра Невского, находившейся наверху Благовещенского храма упомянутой обители. Позднее эти мощи перенесли в главный Свято-Троицкий собор монастыря и положили там в серебряной раке, устроенной в 1749 г. императрицей Елизаветой. Так святой Александр Невский стал третьим после святых апостолов Петра и Павла покровителем го-

* «Месяца августа 30 дня Служба пренесению мощей святого благовернаго и великаго князя Александра Невскаго отъ Владимира во градъ святого Петра 1724 году. Напечатана при Санктъ-Петербурхе в Троицкомъ Александроневскомъ монастыре 1725-го году, апреля въ 24 день» [3].

рода. А день 30 августа (12 сентября по новому стилю) был объявлен днем его церковного поминовения и государственного празднования, проводившегося с тех пор ежегодно по 1916 г. включительно. Было запрещено изображать Александра Невского в старом облике — с куколом схимонаха Алексия; было предписано живописать святого в воинской великокняжеской власти с атрибутами царской власти — скипетром и державой, часто — на фоне Невы, Петропавловской крепости и Александро-Невской Лавры (как на иконе Государственного Эрмитажа). Императрица Екатерина I по завесту Петра учредила 19 июня 1725 года орден святого Александра Невского, которым награждались видные военные и гражданские сановники за труды и подвиги на благо отечества.

Торжественное шествие кавалеров этого ордена происходило ежегодно 30 августа в 1730—1916 гг. от Адмиралтейства до Александро-Невской Лавры. Это было символическое шествие. Оно отвечало (противоходом?) главному коммуникационному стержню новопостроенного города, проходившего по «Невской першпективе» от Александро-Невской Лавры (места земного упокоения мощей Невского героя) до Адмиралтейства на берегу Невы. Последнее символизировало превращение России в крупную морскую державу. Проект Адмиралтейства («чертеж») был составлен самим Петром 5 ноября 1704 г. Адмиралтейство предназначалось для «строения кораблей». Осенью 1705 г. строительство Адмиралтейства, верфи и крепости было завершено. Уже в 1706 г. со стапелей Адмиралтейства были спущены на воду два корабля — восемнадцатипушечный фрегат «Прам» и яхта «Надежда». С 1710 по 1825 г. там было построено 253 больших корабля и множество мелких судов. Петропавловская крепость с Кронверком, Адмиралтейством и крепостью Кронштадт на острове Котлин укрепили Петербург с моря, сделав его неприступной военно-морской крепостью. Петр достиг своей цели. Уже в 1718 г. в Петербургской гавани стояло 40 военных кораблей и 300 галер.

Перед Адмиралтейством тогда располагалась открытая площадь с разбитым там садом в честь святого Александра Невского (ныне — Александровский сад). Невский и Староневский проспекты соединили Адмиралтейство с Александро-Невской лаврой не случайно. Из святой обители (корня) на запад (вверх) как бы пронзростал стебель необыкновенного растения, увенчанного своеобразными головками прекрасных цветков (Березовый остров — Петроградская сторона и Васильевский остров) [4]. Итак, изначально — православие, потом — столица.

После 1712 г., когда Петербург был окончательно признан столицей Империи, и нача-

сь его интенсивное заселение, в него переехала царская семья, государственные учреждения и иностранные посольства. Дворян, псков, ремесленников, мастеровых пересели со всех концов России в северный «парадиз». Петр любил свой город, называя его «адам» («парадизом»).

Гавриил Бужинский в «Слове похвальном Санкт-Петербургу» сравнивал наш город со смирно известными в античное время городами: Римом, Антиохией, Александрией, Афинами. Петербург, хорошея с каждым годом, постепенно воспринимал атрибуты «вечного города» богонзбранного народа, каким в Российской империи всегда считали только русский народ.

Петр решил сделать Васильевский остров центром города и велел построить там главные учреждения: здания Двенадцати коллегий, Кунсткамеру и библиотеку, биржу и таможню, чиновничьи учреждения и учебные заведения, Академию наук, дворцы вельмож. Одновременно, по примеру Амстердама, Петр велел провести на Васильевском острове каналы вдоль линий. Так строили город — центр новой европейской (по типу — торгово-промышленной) цивилизации, открытой для всех народов и процветающей на благо гражданам Российской империи. Эта цивилизация должна была быть *православной по духу и европейской по разуму*. Начало ей положили святые покровители апостолы Петр и Павел Александр Невский. И она была такой.

Идея Санкт-Петербурга была генератором новой Российской цивилизации. Вместе с тем она оставалась сословной, т. е. классовой идеей, где каждому сословию (дворянам, купечеству, мещанам, крестьянам и рабочим людям) отводилось определенное место в структуре государства, подобного идеальному государству Платона. Однако Платон не предусматривал создание бюрократии. Петру Великому и его преемникам удалось создать новый служилый класс в России — чиновничью бюрократию, которая, в конце концов, своим правлением вырыла яму между народом и самодержавием, предопределив волюнтаризм самодержавия и его падение. Эта чиновничья бюрократия составляла суть правящего класса Петербурга и являлась носителем Идеи монархического Петербурга во второй половине XVIII—XIX вв. Много позднее по ее образу и подобию стала создаваться советская бюрократия, ибо без правящей бюрократии Российское государство никогда существовать не могло. Но Древняя Русь существовала без бюрократии и поэтому процветала, благодаря своей соборности. Идея монархического Санкт-Петербурга противостоит соборности. Петербург стал оплотом неограниченной сословной монархии в духе

петровского абсолютизма и оставался таким вплоть до 1917 года.

Российские императрицы, среди которых выделялась Екатерина II, многое сделали для укрепления политического могущества Российской империи с Санкт-Петербургом во главе. И все это величие сказалось на внешнем убранстве города — его архитектуре, блистающей своей монументальностью и вместе с тем красотой и разнообразием архитектурных форм и стилей — от классицизма и рококо до ампира и гражданских псевдостилей. Тем временем, «Россия, распространяясь широко по вселенной, прославляясь победами, доказавшими преимущество в храбрости и самым высокомысленным супостатам, поставив свои пределы в безопасности и привлекиши к себе прилежное внимание окрестных народов, яко важнейший член во всей европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойного и равномерного великолепия» [5].

Зимний дворец, ансамбль Смольного монастыря, Таврический дворец, Петропавловская крепость, Русский музей, ансамбли России и дворцы набережных Невы, Фонтанки, Мойки, Екатерининского канала, а также архитектурные ансамбли окрестных мест — Петергофа, Царского Села, Павловска, Гатчины и Ораниенбаума — живые свидетели этого великолепия [6]. Они — реальное воплощение Идеи Санкт-Петербурга в камне.

Идея Санкт-Петербурга была противоречивой уже при своем рождении, так как, предусматривая равенство граждан перед законом, не имела в виду их имущественное и интеллектуальное равенство. Это была идея столицы *крепостнической* империи, где свободой обладало меньшинство. Отсюда социальное расслоение на богатых и бедных, появление своеобразных представлений о двух Петербургах: Петербурга богатых и властьпредержащих во главе с «кумиром на бронзовом коне» и Петербурга бедных и маленьких людей, вроде персонажа Евгения из «Медного всадника» А. С. Пушкина, или маленького чиновника Акакия Акакиевича, персонажа повести «Шинель» Н. В. Гоголя, вроде «униженных и оскорбленных» — героев романов Ф. М. Достоевского и т. д. Петербургские камни как идолы слепы и глухи. Они не видят и не слышат жалобы и стенания обездоленных. Петербургская бюрократия и богатен сродни им. Бездушные порождает безысходность, отчаяние, а затем вначале стихийный, а потом и организованный протест.

С начала XIX столетия постепенно, малопомалу возникла идея отрицания самодержавия, а значит, отрицания и самой Идеи монархического Санкт-Петербурга. С 1861 года Россия впервые представила тот тип бюрократического полицейского государства, ко-

торый господствовал в доконституционной Европе XVIII в. повсеместно. Права личности, как и права нации, в этих условиях сводились к нулю. Ясно, что все это создавало внутренние условия для усиления революционного брожения и предпосылок постепенной победы нарождавшихся социалистических сил в самой России (Белинский, шестидесятники, Герцен и народovolьцы и т. д.). Последние отрицали Идею монархического Санкт-Петербурга в самом ее зародыше. Их прозвали за это «нигилистами».

Однако и «нигилисты», и «конформисты» сходились в том, что Пятая цивилизация, в большей или меньшей степени, обеспечивала научно-технический прогресс. В центре Пятой цивилизации Санкт-Петербурга вырастали научно-технические кадры по всем отраслям знаний, и гуманитарным в том числе. Петербург стал центром образования и средоточием образованных, высокоинтеллектуальных людей. Все это, к счастью, сохраняется и по сей день. Петербург стал притягательным городом, куда в поисках знаний устремляются юноши и девушки со всех концов Российской империи (а позднее — СССР). При Шестой цивилизации Ленинград стал привлекательным центром, священной Меккой образования для молодежи социалистических стран и стран третьего мира (Азии, Африки и Америки). Приоритеты за Петербургом в области науки, образования и культуры сохраняются и до сих пор, хотя так называемая «Перестройка» и особенно неумелые Реформы (1991—1994 гг.) нанесли городу тяжелейший удар. Но, кроме разрушителей, в Петербурге жили и создатели, которые мечтали о том, чтобы превратить статичную и детерминированную Идею монархического Санкт-Петербурга в динамичную и свободную, соборную по существу, видя в ней прообраз процветания и свободы России, где монарх-отец и кормитель сирых и убогих, где барин, помещик и фабрикант — спаситель и благодетель крестьян, рабочих и мастеровых, где чиновник — справедливеец и радатель об истине, где купец — приумножитель народных богатств и т. д. Носителями такой Идеи-утопии чаще всего становились русские литераторы — от Феофана Прокоповича и Ломоносова до Карамзина и Пушкина, Белинского и Гоголя, Лермонтова и Некрасова, Достоевского и Толстого, Тургенева и Салтыкова-Щедрина и других. Их союзниками выступали многие деятели искусства и культуры, тем более что Идея истинного Петербурга стояла тогда у истоков мирового по значению явления: великих русской литературы и искусства XIX в., равных которым не было и нет!

Но литература и искусство не могли оказать решающего влияния на судьбы народа

и цивилизации, потому что были всего лишь миражом, т. е. эстетическим преображением действительности, а не самой реальной общественной силой, воздействующей на нравственность *всего* народа окончательно и бесповоротно. Вот почему Идея монархического Санкт-Петербурга оставалась статичной, локальной вплоть до 1917 года, пока не пала.

Народное самосознание, существовавшее почти две тысячи лет и опиравшееся на свои внутренние законы бытия, отторгнуло эту Идею, потому что Идея монархического Санкт-Петербурга отграничивала себя от Души города, народной и национальной одновременно [7]. Была опасность превращения этой Идеи в умозрительную.

В истории русского самосознания Санкт-Петербург по существу оставался совершенно чуждым древнерусскому граду Китежу. Китежанам петербуржцы казались если не антихристовым, то чужим семенем, превращавшим «связь времен» кондовой Руси и променявшим свое, славянское на прозападное, космополитическое. Ростки космополитизма позднее дали бурные всходы в советское время под флагом «пролетарского интернационализма», предопределившими неудачу первого этапа Седьмой цивилизации.

Как бы то ни было, к 1913 г. последователям официальной Идеи Санкт-Петербурга, строителям Российской империи, удалось создать экономически процветавшее огромное государство на одной шестой суши земли [8]. Но политически и идеологически лишенное конституционной основы, оно так и не сумело превратиться ни в буржуазную монархию, ни тем более в народную монархию. Вместе с самодержавием революционеры похоронили и старую Россию, и Пятую Российскую цивилизацию, и загубили ее достижения вместе с Идеей Санкт-Петербурга.

В России были физически уничтожены многие миллионы людей — носители пусть и несовершенной монархической Идеи Санкт-Петербурга; другие же эмигрировали, либо исключили себя из интеллектуальной деятельности, легли на дно воображаемой реки жизни как «премудрые пескари», либо переметнулись на службу к новым хозяевам страны, став записными «сервиллистами»: не только апологетами советского образа жизни, но даже доносчиками и палачами русского народа. Так на смену Пятой цивилизации в октябре 1917 г. пришла Шестая, Советская цивилизация (1917—1985—1991 гг.), с заменой национальных ценностей пролетарскими, интернациональными, с заменой Идеи Санкт-Петербурга на Идею Ленинграда, города трех революций. Истории и функции последней из Идеи должна быть посвящена особая исследовательская работа. Отметим только, что эта Идея была совсем не похожа на старую. Она

была чужда национальным традициям преемственности. Это не была Идея столицы нового пролетарского государства. Столицей с конца февраля 1918 г. стала Москва. Но это была ленинградская Идея новых хозяев жизни большевиков-ленинцев, вначале мечтавших мировой пролетарской революции, потом — победе социализма в одной стране, а закончивших дело построением государства-утопии и тоталитарного общества т. н. «развитого социализма». Носителем государственной Идеи оставалась Москва. Ленинграду же уделялась второстепенная роль хранителя «божественных традиций пролетариата».

Возрождение Идеи Санкт-Петербурга происходит теперь после возвращения городу его

первоначального имени (с 1991 г.), когда распался СССР, а страна вступила в свою Седьмую цивилизацию, цивилизацию Демократической России. С большими издержками, через многие испытания и страдания, строительство этой цивилизации медленно идет вперед. Очерчиваются контуры и новой Идеи Санкт-Петербурга как Идеи русской национальной интеллигенции, борющейся за истинную свободу и демократию в России, за народную государственность. Претворение в жизнь Русской Идеи, основывающейся на всем богатстве двухтысячелетнего опыта строительства Российских цивилизаций, является задачей номер один.

1. Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. London, 1895. P. 78.
2. Рукопись БАН, собрание текущих поступлений, № 328, середины XVIII в., л. 28.
3. Цит. по: Там же, л. 21—22.
4. См. напр., план Петербурга, изданный в Париже в 1717 г. (Воспр. в кн.: Мавродин В. В. Основание Петербурга. Л., 1978. С. 131).
5. Ломоносов М. В. (цит. по: Сборник ОРЯС имп. АН СПб., 1872. Т. 8. С. 307).
6. Подробнее см.: Петров П. И. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях 1703—1782. СПб., 1881; Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1889; Божерянов И. Н. Невский проспект (1703—1903). Культурно-исторический очерк. Вып. 1—3. СПб., 1901—1903; Архитектура Ленинграда. Л., 1953.
7. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Л., 1991.
8. Статистические подсчеты см.: Бразоль Б. Жизнь императора Николая II Александровича в цифрах и фактах. Л., 1990.

Е. СЕМЕНОВ

ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МАССОВОМ ИСКУССТВЕ И ДУХОВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ ОБЩЕСТВА

Если к началу XX в. в большинстве европейских обществ художественная культура существовала в формах высокой «элитарной» изящного искусства, классическая музыка, литература) и народной культур (фольклор, песни, танцы, сказки), то позднее в связи с развитием средств массовой коммуникации (кинематограф, грамзапись, радио, телевидение и т. п.) на Западе возникла так называемая массовая стандартизированная культура, которая в конце концов размывает границы между элитарной и народной культурой [1].

Однако понятие «массовой культуры» требует более четкого определения. Содержание данного термина проясняется через синонимические и близкие ему понятия: полукультура, субкультура, поп-культура, люмпен-культура, развлекательное искусство, коммерческое искусство, кич (безвкусица, халтура). Все эти обозначения появились в работах западных теоретиков. Но главной особенностью массовой культуры («масскульты») выступает ее товарный, рыночно-меркантильный характер.

Анализ научной литературы, посвященной массовой культуре, знакомство с ее «продукцией» и проявлениями позволяют выделить следующие ее характерные черты: коммерческий успех и популярность любой ценой; развлекательность и занимательность любыми средствами; эксплуатация инстинктов и суеверий людей (агрессивность, секс, страх, мистика и т. д.); культ гедонизма и потребительства; схематизация, стереотипизация, упрощение всех явлений жизни; редуцирование искусства к вульгарному зрелищу; зачастую несоответствие содержания и формы. Все это типично для бульварных романов, детективов, всевозможных шоу-зрелищ, поп-музыки, кинобоевиков, эротических журналов и т. п.

Постепенно, особенно с конца 60-х — начала 70-х гг., на Западе происходит конвергенция массовой культуры с модернизмом (авангардизмом), который дополняет ее такими качествами, как дегуманизация, принижение традиционных человеческих ценностей, грубые пронония и пародизм, «черный юмор», алогичность, ирреальность, наркотическая